

Евгений ДЕМЕНОК

Дни Жаботинского в Одессе

Сто тридцать шесть лет назад, 18 октября 1880 года, в Одессе, в доме Харлампа на углу улиц Базарной и Ремесленной, родился один из величайших её сынов — Владимир (Зеев) Жаботинский. Литературный талант Жаботинского удивителен и многогранен — он проявил себя как выдающийся писатель, поэт, публицист и переводчик. Возможно, литературная стезя так и осталась бы главной в жизни Владимира Жаботинского, если бы он жил в другое время. Однако в начале XX века оставаться в стороне от политики было невозможно. После Кишинёвского погрома во взглядах и судьбе Жаботинского происходят кардинальные перемены. Он становится одним из лидеров сионизма.

Именно в этой ипостаси он наиболее известен сегодня. Факты говорят сами за себя — практически в каждом израильском городе есть улица Жаботинского, его могила находится на горе Герцля в Иерусалиме, рядом с могилой самого Теодора Герцля, а влияние его идей на политику современного Израиля огромно — именно по заветам Жаботинского живёт правящая сегодня партия "Ликуд". Что говорить — отец премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, Бенцион Нетаньяху, был личным секретарём Владимира Жаботинского.

Для изучения наследия Жаботинского в Тель-Авиве создан Институт Жаботинского, в котором работает Музей Жаботинского. Регулярно проводятся Дни Жаботинского. В этом году благодаря инициативе руководства организации "Натив" — обязанности главы "Натива" исполняет сейчас хорошо известная одесситам Юлия Дор, а также руководителя Израильского культурного центра в Одессе, первого секретаря посольства Государства Израиль в Украине Болеслава Ятвецкого Дни Жаботинского прошли и в Одессе. Они начались 26 сентября, когда в Израильском культурном центре прошёл открытый урок языка иврит, посвящённый жизни и деятельности Жаботинского, в котором приняли участие сотрудники Института Жаботинского в Израиле — директор Института Йосеф Ахимеир и архивист Ольга Гехман, а завершились 11 октября, когда в Одесском литературном музее закрылась блестящая выставка "Я — Жаботинский".

Дни Жаботинского в Одессе — прекрасное начинание, благодаря которому одесситы смогли больше узнать о своём великом земляке. А он этого более чем достоин. И уровень представителей Государства Израиль на этом мероприятии говорит сам за себя — был анонсирован приезд в Одессу президента Реувена Ривлина; к сожалению, в ночь перед этим умер девятый президент Государства Израиль Симон Перес, и Ривлин ночью улетел из Киева на похороны в Иерусалим. И, тем не менее, в Одессу приехали посол Израиля в Украине Элиав Белоцерковский, исполняющий обязанности главы "Натива" Юлия Дор, директор Института Жаботинского Йосеф Ахимеир, профессор университета имени Бен-Гуриона (Бер-Шева, Израиль) Арье Наора, а самое главное — внук и внучка Владимира Жаботинского.

В рамках Дней Жаботинского в Одессе прошла торжественная церемония присвоения имени Жаботинского школе № 94; состоялась конференция "Владимир (Зеев) Жаботинский — одессит, писатель, поэт и выдающийся лидер сионистского движения", в которой помимо израильских гостей приняли участие одесситы Андрей Добролюбовский и Светлана Фокина; в тот же день, 28 сентября, в Одесском литературном музее состоялось торжественное открытие выставки "Я — Жаботинский". На выставке были представлены уникальные экспонаты — книга раввина 1880 года с записью о рождении Владимира Жаботинского, книга раввина с записью о браке Жаботинского с его супругой Анной, полицейские протоколы тех времен, рукописи и автографы, прижизненные издания его статей, а также доставленные из Тель-Авива копии свидетельств, связанных с биографией легендарного литератора. Специально для одесситов израильтяне привезли в Литературный музей роман писателя об Одессе "Пятеро", изданный в Нью-Йорке в 1947 году.

На открытии выставки всем желающим раздавали уникальный экземпляр газеты "Одесские новости", выпущенный специально к этому событию.

Завершился длинный день концертом в Одесском театре оперы и балета. Национальным одесским филармоническим оркестром в этот день дирижировал всемирно известный израильский композитор Беньямин Юсупов.

Вне всякого сомнения, Владимир Жаботинский был одним из величайших сынов Одессы.

Масштаб его личности становится всё более очевидным по мере удаления от советского времени, когда слово "сионист" являлось

Владимир Жаботинский

Евгений Деменок и внук Владимира Жаботинского — Зеев

ругательным и антисемитизмом являлся, пусть и негласно, одним из краеугольных камней советской внутренней и внешней политики.

Поэтому только сейчас, спустя двадцать пять лет после падения советского колосса, мы начинаем понимать, кем являлся для Одессы, для Израиля и для евреев всего мира Владимир Жаботинский.

Судьба Жаботинского удивительна. Блестящий журналист, публицист и писатель стал бескомпромиссным политиком и воином и затем, оставшись в политике, вновь — и блестяще — вернулся в литературу. И влияние Одессы на обоих поприщах несомненно.

"И ремесло свое я избрал тоже в детстве: начал писать ещё в десятилетнем возрасте. Стихи, разумеется. "Печатал" я их в рукописном журнале, который издавали два молодых человека, ученики не моей школы... позднее, в шестом классе, мы в нашей школе тоже основали тайную газету", — писал Владимир Жаботинский в "Повести моих дней". И далее: "Я перевёл на русский язык "Песнь песней" и "В пучине морской" И.Л. Гордона и послал их в "Восход" — не напечатали. Перевел "Ворона" Эдгара Аллана По и послал в "Северный вестник", русский ежемесячный журнал в Петербурге — не напечатали. ...Я уже отчаялся в своей будущности, уже страшился, что мне написано на роду быть адвокатом или инженером. Однажды я случайно развернул ежедневную одесскую газету и нашёл в ней статью под названием "Педагогическое замечание". Моя статья!"

Живший в то время в Одессе писатель Александр Митрофанович Фёдоров, прочитавший перевод "Ворона", ставший в наши дни уже классическим, ввёл Жаботинского в журналистику, познакомив с редактором газеты "Одесский листок" Василием Навроцким. Позже сам Жаботинский введёт в литературу Корнея Чуковского.

Владимиру Жаботинскому повезло — в то удивительное время рядом с ним в Одессе жили и работали Хаим Нахман Бялик и Иегошуа Равницкий, Леон Пинскер и Ахад-ха-Ам, Менделе Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем, Иосиф Клаузнер и Шауль Черниховский. "Поэму о погроме" и другие произведения Бялика Жаботинский вскоре блестяще переведёт на русский — и они окажут колоссальное влияние на русских литераторов, от Максима Горького до Владимира Маяковского. А партнёр Бялика

по издательству "Мория" Иегошуа Равницкий дал Жаботинскому первые уроки иврита:

"До своего семнадцатого года жил в Одессе, дома и на улице мы разговаривали только по-русски, мама пользовалась идиш только в беседах с моими престарелыми тётушками; сестра и я научились понимать этот язык, но ни разу нам не пришлось на ум обратиться к маме или к кому-нибудь другому на идиш. Сестра научила меня читать по-русски, было мне восемь лет, когда один из наших соседей вызвался обучать нас обоих древнееврейскому языку, и этот добрый человек был Иегошуа Равницкий. В течение нескольких лет, пока мы не сменили квартиру, я брал у него уроки".

Ничто не предвещало перемен в блестящей карьере молодого журналиста, писателя, драматурга. Всюду его ждал успех. После нескольких лет жизни в Берне и Риме Владимир Жаботинский вновь возвращается в Одессу — чтобы начать работу в "Одесских новостях". Но страна, в которую вернулся Жаботинский, была уже другой — бурлящей и предреволюционной. И сам он вскоре постепенно, шаг за шагом войдёт и в политику, и в сионистское движение — начнётся этот путь с семи недель пребывания в одесской тюрьме, а закончится первой поездкой на Сионистский конгресс в Базеле.

"Начало моей сионистской деятельности связано с двумя явлениями: с итальянской оперой и с идеей самообороны", — писал Жаботинский в "Повести моих дней". Созда-

"Вероятно, уж никогда не видать мне Одессы. Жаль, я её люблю. К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя. Но Одесса — другое дело: подъезжая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться. Если бы сегодня подъезжал, вероятно, и руки бы дрожали. Я не к одной только России равнодушен, я вообще ни к одной стране по-настоящему не "привязан"; в Рим когда-то был влюблен, долго, но и это прошло. Но Одесса — другое дело, не прошло и не пройдет", — эти строки из романа "Пятеро", написанные Жаботинским уже в 1930-х в Париже, не может читать без волнения ни один настоящий одессит.

Жаль, что мы так долго были лишены возможности прочесть то, что писал об Одессе Владимир Жаботинский. Возможно, тогда наш город не только для всего мира, но и для нас самих был бы не только Молдаванкой с живущими на ней налётчиками, но городом артистическим, лёгким, тонким и интеллигентным. Одесса Жаботинского мне гораздо симпатичнее Одессы Бабеля, а масштаб обоих писателей вполне сопоставим. Достаточно прочесть эти строки:

"Если бы можно было, я бы хотел подъехать не через Раздельную, а на пароходе; летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом Фонтане; и один-одинёшенек на палубе смотрел бы на берег. ...Направо стройная линия дворцов вдоль бульвара — не помню, видать ли их с моря за кленами бульвара; но поспешный справа наверное видать, Воронцовский дворец с полукруглым портиком над сплошной зеленой обрыва. И лестница шириной в широкую улицу, двести низеньких барских ступеней; второй такой нет, кажется, на свете, а если скажут, где есть, не поеду смотреть. И над лестницей каменный Дюк — протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю-Плесси де Ришелье — помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город.

У людей, говорят, самое это имя Одесса — вроде как потешный анекдот. Я за это, собственно говоря, не в обиде: конечно, очень уж открывать им свою тоску не стоит, но за смешливое отношение к моей родине я не в обиде. Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любим. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур все-рез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну мира сего: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга; может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит..."

Владимир Жаботинский много раз оказывался "один против всех" — и каждый раз проявлял стойкость, позволявшую, в конце концов, победить. Так было при создании Еврейского легиона, так было во времена пребывания в руководстве Всемирной сионистской организации и после выхода из неё — и ещё много, много раз. Время показало, что каждый раз Жаботинский был прав. И хочется верить, что этот характер — сильный и жизнерадостный, энергичный и прямой — был сформирован именно в Одессе, именно Одессой.

"Одним из трёх факторов, которые наложили печать свободы на мое детство, была Одесса. Я не видел города с такой лёгкой атмосферой и говорю это не как старик, думающий, что на небосклоне потухло солнце, потому что оно не греет ему, как прежде. Лучшие годы юности я провел в Риме, жила в молодые лета и в Вене и мог мерить духовный "климат" одинаковым масштабом: нет другой Одессы — разумеется, Одессы того времени — по мягкой веселости и легкому плутовству, витающим в воздухе, без всякого намека на душевное смятение, без тени нравственной трагедии.

На ребёнка, воспитывающегося в такой среде, она может оказать дурное или хорошее влияние, это зависит не от среды, а от самого ребёнка. Один впитает подлость, а другой, напротив, усвоит буйство, авантюризм, любопытство, неиссякаемую бодрость — так, что каждое утро чудо, снисходительную улыбку, которую равно откликнется на поражение и на удачу. Быть может, я тоже представитель этого второго рода", — писал он в "Повести моих дней".

Великий сын Одессы...

"Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложи мне повторить — повторю, как была, точь-в-точь, со всеми горестями и гадостями, если можно будет опять начать с Одессы".